

УДК 94(4)

DOI 10.18413/2075-4458-2018-45-4-646-651

НОНКОМБАТАНТЫ В ВОЕННОМ ПРАВЕ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ**NON-COMBATANTS IN THE MILITARY LAW OF THE HUNDRED YEARS' WAR****Д.В. Байдуз, Л.О. Раевский**
D.V. Bayduzh, L.O. RaevskiiТюменский государственный университет,
Россия, 625003, Тюмень, ул. Семакова, 10Tyumen State University,
10 Semakova St., Tyumen, 625003, Russia

E-mail: bayduzh@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты правовой защиты мирного населения в период Столетней войны посредством права, а также выявлены особенности репрезентации мирного населения в правовых и историографических источниках. Проведенный анализ показал, что понятие «нонкомбатанты» является историографическим. В источниках же не существует единого наименования для нонкомбатантов в противоположность воинам, для обозначения которых существует единое понятие – *gens de guerre* (люди войны). В источниках встречаются упоминания лишь отдельных категорий населения: клириков, паломников, студентов, раненых солдат и т. д. Упоминание нонкомбатантов в правовых источниках связано, как правило, с вопросами их защиты. Высказана гипотеза о том, что появление отдельных категорий нонкомбатантов в правовых источниках имело прецедентный характер. Важно отметить, что в рассмотренных ординансах статьи за преступления против мирного населения помещаются сразу после статей за преступления против королевской персоны, что отражает высокую значимость защиты нонкомбатантов для королевской власти. Установлено, что наиболее часто встречаются статьи за следующие преступления против мирного населения: убийство, захват в плен, разграбление церкви, изнасилование женщин, сожжение собственности. Наиболее распространенным наказанием в ординансах является смерть. Однако в отношении преступлений против детей и крестьян наказания мягче и ограничиваются утратой имущества. Это подтверждает тезис о том, что нонкомбатанты не воспринимались как единая социальная группа – гражданское население, а разделялись на отдельные категории населения. Поэтому нормы защиты и наказаний за преступления в отношении разных категорий населения также различаются.

Abstract

The article considers the way in which carried out protection of the civilian population in period of the Hundred Years' War, by means of the law, as well as peculiarities of representation of the civilian population in legal sources. The authors used historical-comparative and historical-legal methods. The analysis showed that the concept of "non-combatants" is historiographical. In the sources, there is no single name for non-combatants as opposed to soldiers, for which there is a single concept – *gens de guerre* (people of war). The sources mention only certain categories of the population: clerics, pilgrims, students, wounded soldiers, etc. The mention of non-combatants in legal sources is usually related to their protection. The hypothesis of this study is that the emergence of certain categories of non-combatants in legal sources had a precedent character. It is important to note that in the ordinances considered, the articles for crimes against the civilian population are placed immediately after the articles for crimes against the Royal person, which reflects the high importance of the protection of non-combatants for the Royal power. It is established that the most frequent articles concern the following crimes against civilians: murder, capture, looting of the Church, rape of women, burning of property. The most common punishment in ordinances is death. However, in relation to crimes against children and peasants, the penalties are milder and limited to the loss of property. This confirms the thesis that non-combatants were not perceived as a single social group-the civilian population, but were divided into separate categories of the population. Therefore, the standards of protection and punishment of crimes against different categories of the population are also vary.

Ключевые слова: история права, Столетняя война, насилие, теория справедливой войны, история идей, мирное население, правосознание.

Keywords: history of law, Hundred Years' War, violence, theory of just war, history of ideas, civil population, legal awareness.

Феномен насилия является неотъемлемой частью жизни человеческого общества, что особенно ярко проявляется в ходе военных конфликтов, во время которых страдает и мирное население, или нонкомбатанты. Вместе с тем, учитывая то, что насилие – это крайняя мера разрешения конфликта, общество часто старалось ограничить его применение. Исходя из этого, регуляция применения насилия в отношении нонкомбатантов в военное время представляет особый интерес. При этом в последние годы данная проблема все чаще ставится исследователями применительно к Столетней войне (1337–1453 гг.) [Bennett 2008; Green, 2014; Périu и др., 2016].

Тема насилия освещена в зарубежной научной литературе в контекстах изучения военного права, военной истории, теорий справедливой войны [Keen, 1965; Контамин, 2001; Каеупер, 1999; Russell, 1975]. В российской же историографии этот вопрос прежде не ставился, имеется лишь ряд исследований, в которых рассматривается эволюция идей справедливой войны и которые могут иметь лишь косвенное отношение к рассматриваемой проблеме [Колпаков, 2015; Басовская, 1990; Басовская, 1991].

Прежде всего следует отметить, что само понятие «нонкомбатанты» является историографическим [Lynch, 2014]. Под ним ученые понимают гражданское население, не участвовавшее в боевых действиях, в противоположность «комбатантам» – воинам. В источниках же не существует единой обобщенной категории для обозначения мирного населения, встречаются лишь обозначения отдельных социальных групп – клирики, паломники, студенты и др.

Интересно отметить и то, что в противоположность нонкомбатантам для обозначения воинов существует единый термин – *gens de guerre* (люди войны). Это свидетельствует о том, что воины рассматривались с правовой точки зрения как единая социальная группа, и для них существовало особое право. Отсутствие же единого наименования для нонкомбатантов свидетельствует о том, что их упоминания в правовых источниках являлись следствием конкретных прецедентов, а также о том, что они не имели «собственного» права, а присутствовали в праве другой социальной группы.

Отношения, возникавшие между военными и нонкомбатантами, регулировались на основе так называемого «военного права», или *jus armorum* [Keen, 1965, p. 17], в котором был зафиксирован, по определению Ф. Контамина, ряд обычаев, традиций и ритуалов, свойственных миру военных [Контамин, 2001, с. 309].

Военное право высокого средневековья представляло собой широко известный комплекс норм, записанных в трактатах и ордонансах, а также известных по материалам судебных процессов, хроникам и ряду других источников.

Военное право являлось отраслью всеобщего права (*jus gentium*), совокупности правил, диктуемых разумом и являвшихся обязательными к соблюдению всеми. Военное право в данном случае выделялось в отдельную отрасль по социальному принципу, так как это было право конкретной социальной группы – а именно воинов. Наравне с ним также существовали, например, торговое право, морское и так далее [Keen, 1965, p. 15].

Фома Аквинский писал: «человеческий закон может быть разделен сообразно различию тех, кто особым образом действует ради общего блага (таковы, например, священнослужители, возносящие молитвы за народ Божий, начальники, управляющие народом, и воины, охраняющие его безопасность). И поэтому для этих людей существуют особые законы» [Фома Аквинский, 2015, с. 343].

Военное право рассматриваемого периода было всеобщим и основывалось на идеалах рыцарского кодекса чести, появление которого, как и возникновение самого института рыцарства, современники относили к эпохе Римской империи. В этом случае, по представлениям средневековых знатоков права, любой солдат оставался солдатом некогда

единой римской армии и, соответственно, ограничивался единым военным правом [Keen 1965, p. 58]. Таким образом, и англичане, и французы должны были действовать на войне в рамках комплекса одних и тех же правовых норм.

Поэтому, например, английский король вполне мог судить французского воина. Пример тому – случай с Жаном д'Анженном, одним из французских капитанов Шербурга, который в 1418 г. сдал город англичанам и был казнен по суду английского короля Генриха V как изменник на основании того, что он сдал город, когда тот был еще хорошо укреплен и мог еще долго продержаться [Monstrelet, 1859, p. 243].

Как отмечалось ранее, военное право было правом определенной социальной группы, а именно группы воинов, и было направлено прежде всего на регулирование отношений между ними. Отсюда же вытекало и то, что военное право могло применяться не только во время войны, но и во время мира, так как оно было не правом войны, а правом комбатантов.

Военное право не являлось абстрактной совокупностью норм, существовавших только в теории, но имело широкое применение в судебной практике.

Дела по военному праву относились к юрисдикции особой судебной системы, представленной судом Лорда Верховного констебля и графа-маршала, а также местных судов [Meron, 1999, p. 1]. В наиболее серьезных случаях дела могли рассматриваться королевским советом.

Во Франции подобный суд создается в Париже в начале XIV в. В Англии с середины правления Эдуарда III известно о регулярности работы рыцарского суда, заседавшего в Вестминстере, в котором в качестве судей председательствовали Лорд Верховный констебль и граф-маршал. Суды констеблей и маршалов были постоянными [Keen, 1965, p. 27–28].

При этом нонкомбатант находился в неравном положении по отношению к воинам и поэтому зачастую не мог опираться в своих претензиях на военное право. Так, например, в случае, если солдат был захвачен гражданским лицом, последний не мог требовать выкупа, а должен был выдать его гражданским или военным властям [Keen, 1965, p. 19].

Нонкомбатантам же в связи с вышесказанным уделялось достаточно мало внимания в правовых документах. Тем не менее определенные правовые нормы в отношении мирного населения существовали.

Так, еще св. Августин в V веке, согласно римской традиции, разделял военное право на *jus ad bellum* – право на войну – то есть, совокупность норм, определявших право одной суверенной власти вести насильственные действия против другой; и *jus in bello* – право в войне – которым определялись пределы нравственно допустимого поведения в ходе военных действий. Для *jus in bello* Августин определял два главных принципа: соразмерности и различения [Lynch, 2014, p. 60].

Принцип соразмерности заключался в том, что для ведения боевых действий должен был использоваться только минимум необходимых сил [Mattox, 2006, p. 10–11].

Принцип различения же заключался в разделении участников конфликта на комбатантов – тех, кто непосредственно ведет боевые действия, и нонкомбатантов – людей, не участвующих в сражениях. Под нонкомбатантами, как правило, понимали раненых солдат, военнопленных, клириков, женщин, детей, стариков и немощных, но категории людей, относимых к нонкомбатантам, могли варьироваться [Mattox, 2006, p. 11]. Эти идеи послужили основой для формирования правового статуса нонкомбатантов в период Столетней войны. При этом для современников право в войне во многом становилось просто кодификацией рыцарских идеалов [Контамин 2001, с. 308].

Также важно отметить то, что развитие идей защиты нонкомбатантов неразрывно связано с развитием теорий справедливой войны в целом. Первоначально справедливая война рассматривалась как война в защиту веры. В XII–XIII вв. это понятие уже могло применяться к определению любого военного конфликта, получившего соответствующее юридическое и идеологическое обоснование. В XIV–XV вв. же большое значение приобретает апелляция к мнению народа при обосновании категорий «справедливости» или «несправедливости» войны [Колпаков, 2015, p. 55]. В связи с этим возникает необходимость защиты этого народа.

Нонкомбатанты упоминаются в исторических источниках, прежде всего при рассмотрении вопросов их защиты, а также правомерности тех или иных насильственных действий со стороны воинов по отношению к ним.

Так, например, в трактате «Древо Битв» (1387 г.) Оноре Боне рассматриваются следующие вопросы, касающиеся нонкомбатантов: «Может ли человек Церкви участвовать в сражениях?», «Почему паломник не может быть захвачен в плен?», «Может ли человек защищать свою жену с оружием, не имея на то разрешения?», «Может ли английский студент, прибывший в Париж на учебу, быть захвачен в плен?», «Если англичанин приезжает в Париж, чтобы увидеться со своим сыном-студентом, может ли он быть захвачен в плен?» [Bonet, 1883, p. 123, 207, 166, 192, 194], а также ряд других вопросов.

В ордонансах, направленных на пресечение мародерства и укрепление дисциплины в армии, появляющихся с началом Столетней войны [The Black Book of the Admiralty, 1871, p. 453, 459; Ordonnances des rois de France de la troisième race, 1782, p. 306], уже устанавливаются конкретные виды наказаний за преступления в отношении нонкомбатантов. Вот, к примеру, типичная формулировка из ордонанса английского короля Ричарда II 1385 года: «Пусть никто не осмелится ни разграбить церковь, ни убить или захватить в плен человека, принадлежащего к Церкви, или женщину, если они безоружны, ни изнасиловать женщину под страхом смертной казни через повешение» [The Black Book of the Admiralty, 1871, p. 453]¹.

Среди категорий населения, подлежащих защите, выделяются крестьяне, занятые работой на полях [The Black Book of the Admiralty, 1871, p. 469; Ordonnances des rois de France, 1782, p. 308], дети до 14 лет (с исключением для детей военачальников и капитанов) [The Black Book of the Admiralty, 1871, p. 467–468], женщины [The Black Book of the Admiralty, 1871, p. 453, 460, 468], люди Церкви [The Black Book of the Admiralty, 1871, p. 453, 460; Ordonnances des rois de France, 1782, p. 307], торговцы, ремесленники, путники, люди, находящиеся в своем доме [Ordonnances des rois de France, 1782, p. 307]. К этому перечню следует добавить студентов и паломников, которые не были включены в рассматриваемые ордонансы, но уже упоминались выше в связи с трактатом Оноре Боне.

То, что статьи за преступления против нонкомбатантов следуют сразу за преступлениями против королевской персоны и, таким образом, находятся на втором месте в ордонансах, свидетельствует о большой важности проблемы защиты мирного населения для королевской власти.

Среди самих преступлений могут быть выделены следующие, являвшиеся наиболее частыми: это убийство, захват в плен, разграбление церкви, изнасилование женщин, сожжение собственности [The Black Book of the Admiralty, 1871, p. 453, 460, 467–468, 469; Ordonnances des rois de France, 1782, p. 307, 308].

Эти преступления могут быть проиллюстрированы многочисленными примерами. Так, имеется свидетельство, относящееся к 1372 г., о том, как бандами под командованием Элиота де Плессака были полностью разрушены церковь и бенедиктинский монастырь в Бельфонте [Denifle, 1899, p. 655].

Другой пример – действия капитана «живодеров» Робера Флока в Бургундии в 1445 г., когда им захватывались крестьяне, «работавшие на полях», в числе которых упоминаются Гуго Кайяр и Жан Арност [Keen, 1965, p. 191].

Еще один пример – действия самого Генриха V в ходе кампании в Нормандии (1415–1422 гг.), когда им сжигались многие деревни, города и монастыри. Как говорил сам Генрих: «война без огня так же нелепа, как сосиски без горчицы» [Rogers, 2002, p. 38]. С одной стороны, здесь кроется противоречие, так как Генрих сам же запрещает в своих ордонансах сожжение собственности, но при этом им запрещается лишь сожжение собственности «без королевского разрешения». Таким образом, король получает монополию на подобные действия.

Наиболее распространенным наказанием в ордонансах является смерть. Однако же в отношении преступлений против детей и крестьян наказания были мягче и ограничива-

¹ «Item, qe nully soit si nardys de robber ne piler eglise, ne destruir homme de scinte eglise religious, ne ancre, ne nulle femme, ne de prendre prisoner, sil ne port armes, ne deforcer nulle femme sur peine destre penduz» (пер. наш – Д. Б., Л. Р.)

лись утратой имущества [The Black Book of the Admiralty, 1871, p. 467–468; Ordonnances des rois de France, 1782, p. 307].

Как трактаты, так и ордонансы появлялись, как правило, во время военных действий. В трактатах их авторы старались отразить существующие правовые нормы и обычаи. Ордонансы же являлись реакцией королевской власти на мародерство и бесчинства, совершаемые войсками. Поэтому справедливо утверждать, что военное право нередко имело прецедентный характер. Отдельные группы нонкомбатантов, судя по всему, так же появлялись в правовых документах вследствие конкретных инцидентов.

Вместе с тем весь этот комплекс норм, скорее, просто предписывал то, каким должно быть поведение солдата на войне, реальный же контроль за соблюдением этих установок, как правило, осуществлялся далеко не всегда, во всяком случае на начальном этапе Столетней войны (XIV в.). Это и доказывают многочисленные преступления, зачастую безнаказанно совершаемые бандами наемников, известных как «бриганды».

Соблюдение существующих норм чаще всего обеспечивалось авторитетом соответствующей власти, а не правосознанием, которое имело значение в таких вопросах, как, например, следование правилам рыцарского поединка или отношение к бегству с поля боя. В этих случаях от соблюдения норм зависела честь человека, они взывали к его словесному достоинству.

Напротив, касавшиеся нонкомбатантов нормы, скорее, навязывались воинам и не имели в их глазах такого же значения, как правила поведения в бою. Поэтому эти нормы соблюдались лишь в тех местностях, где находились сами короли со своими войсками как гаранты права, источником которого они являлись, либо там, где были сильны позиции королевских наместников, то есть там, где за солдатами был установлен строгий внешний контроль.

Так, например, как свидетельствует «Английская история» Томаса Уолсингема, положения ордонансов Генриха V 1419 г. в защиту клириков в Нормандии были настолько эффективны, что крестьяне специально переодевались в клириков и выстригали тонзур [Walsingham, 1864, p. 322]. Соблюдению ордонансов в данном случае способствовало как само присутствие Генриха V в Нормандии, так и то, что им, помимо прочего, организовывались специальные комиссии, направляемые в города, замки и крепости с целью контроля за соблюдением их положений. Такой, например, была комиссия сэра Джона Рэдклиффа, организованная в 1421 г. [Meron, 1999, p. 4].

Кроме того, следует отметить, что право не являлось статичным, оно изменялось и эволюционировало со временем. И для такого значительного промежутка времени, как Столетняя война (1337–1453 гг.), эта трансформация не могла остаться незаметной. Поэтому, рассматривая военное право этого конфликта в целом, нами были даны лишь самые общие его характеристики, остававшиеся неизменными на протяжении всей войны.

С изменением права менялось и положение нонкомбатантов. Это проявилось, в частности, в том, что им стало уделяться больше внимания, проблемой их защиты озабочивалась королевская власть, что отразилось в издании ордонансов. Это может быть связано с повышением роли общественного мнения в рассматриваемый период [Колпаков, 2015, с. 55; Басовская, 1990, с. 50–51; Басовская, 1991, с. 30–31], с которым короли были вынуждены считаться и, соответственно, должны были обеспечивать защиту населению.

Другое объяснение может заключаться в самом характере Столетней войны. Франция в этот период являлась ареной частых столкновений различных военных отрядов, мародерства и грабежей, от которых страдали в первую очередь нонкомбатанты. При этом, несмотря на войну, сохранялась необходимость поддержания экономической стабильности. Это вело к необходимости регулирования отношений между воинами и нонкомбатантами.

Подводя итоги, следует отметить, что нонкомбатанты предстают в источниках не как единая социальная группа, гражданское население, противопоставляемое военным, а как отдельные категории населения – клирики, женщины, дети и т. д. Не существует и единого наименования для этих категорий населения.

В связи с этим нормы защиты и наказаний за преступления в отношении разных категорий населения также различаются. Так, в отличие от большинства групп нонкомбатантов, наказанием за преступления против детей и крестьян является не смерть, а лишь

утрата имущества. Это является отражением черт, присущих средневековому праву в целом, защищавшему главным образом частные интересы отдельных лиц и социальных групп и, как правило, не оперировавшему привычными нам обобщенными понятиями.

Интересен и тот факт, что правовые документы, защищавшие мирное население, издавались в ходе военных действий, что свидетельствует о прецедентном характере военного права.

Кроме того, важно и то, что развитие идей защиты нонкомбатантов являлось отражением обоснования теории справедливой войны и ее развития.

Список литературы References

1. Басовская Н.И. 1990. Идеи войны и мира в западноевропейском средневековом обществе. Средние века. 53: 44–51.
Basovskaja N.I. 1990. Idei vojny i mira v zapadnoevropejskom srednevekovom obshhestve. Srednie veka. 53: 44–51. (in Russian)
2. Басовская Н.И. 1991. Правитель и народ в Столетней войне. Средние века. 54: 23–34.
Basovskaja N.I. 1991. Pravitel' i narod v Stoletnej vojne. Srednie veka. 54: 23–34. (in Russian)
3. Колпаков М.Ю. 2015. Представления о природе войн и практике разрешения военных конфликтов во французской общественной мысли XIII–XIV веков. Псковский военно-исторический вестник. 1: 55–60.
Kolpakov M.Ju. 2015. Predstavlenija o prirode vojn i praktike razreshenija voennyh konfliktov vo francuzskoj obshhestvennoj mysli XIII–XIV vekov. Pskovskij voenno-istoricheskij vestnik. 1: 55–60. (in Russian)
4. Контамин Ф. 2001. Война в Средние века. Пер. с фр. под ред. Ю. П. Малинина. СПб., Ювента, 416.
Kontamin F. 2001. Vojna v Srednie veka. Per. s fr. pod red. Ju. P. Malinina. SPb., Juventa, 416. (in Russian)
5. Фома Аквинский. 2015. Сумма теологии. Т. 4: Первая часть Второй части. Пер. с лат. А.В. Апполонова. М., КРАСАНД, 560.
Foma Akvinskij. 2015. Summa teologii. T. 4: Pervaja chast' Vtoroj chasti. Per. s lat. A.V. Appolonova. M., KRASAND, 560. (in Russian)
6. Bennett M. 2008. The Experience of Civilian Populations during the Hundred Years War in France 1330–1440. Trieste, 34th International Commission for Military History, 1–6.
7. Bonet H. 1883. L'Arbre des batailles. Bruxelles; Leipzig, Librairie européenne C. Muquardt, Merzbach & Falk, 256.
8. Denifle H. 1899. La désolation des églises, monastères et hôpitaux en France pendant la Guerre de Cent Ans. Vol. 1, 2. P., Picard et fils, 566, 487.
9. Green D. 2014. The Hundred Years War, a people's history. New Haven; L., Yale University Press, 339.
10. Каупер R.W. 1999. Chivalry and violence in Medieval Europe. N.Y., Oxford University Press, 338.
11. Keen M.H. 1965. The laws of war in the late Middle Ages. L., Routledge & Kegan Paul; Toronto, University of Toronto Press, 291.
12. Lynch L. 2014. Protecting the non-combatant: Chivalry, Codes and the Just War Theory. Ex Historia 6, 59–80.
13. Mattox J.M. 2006. Saint Augustine and the Theory of Just War. L.; N.Y., Continuum, 196.
14. Meron T. 1999. War Crimes Law Comes of Age: Essays. Oxford, Oxford University Press, 352.
15. Monstrelet de E. 1859. La Chronique d'Enguerran de Mostrelet: en deux livres avec les pièces justificatives 1400–1444. Vol. 3. P., Mme ve J. Renouard, 468.
16. Pépin G., Lainé F., Boutouille F. (Ed.). 2016. Routiers et Mercenaires pendant la guerre de Cents Ans. Hommage à Jonathan Sumption. Bordeaux, AUSONIUS, 357.
17. Rogers C.J. 2002. By Fire and Sword: Bellum Hostile and «Civilians» in the Hundred Years' War. Civilians in the path of war. Lincoln; L., University of Nebraska Press, 33–78.
18. Russell F.H. 1975. The just war in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 322.
19. Twiss T. (Ed.). 1871. The Black Book of the Admiralty. Vol. 1. L., Longman & Co, 491.
20. Vilevault de M., Bréquigny de M. (Ed.). 1782. Ordonnances des rois de France de la troisième race. Vol. 13. P., Imprimerie royale, 539.
21. Walsingham T. 1864. Historia Anglicana / Ed. by H. T. Riley. Vol. 2: A. D. 1381–1422. L., Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 597.